

Сегодня - 1986 - 30 окт.
- с 10

ПОКА ТЫ СПАЛ

Партерные козыри

Москве суждено пережить целых шесть фестивалей, отмечающих девяностолетие Шостаковича. Их противоречивое разнообразие, пожалуй, лучше всего символизирует бурное — от сталинских премий до жестких обвинений в формализме — бытование музыканта в родной стране, о которой он мог искренне говорить только на языке своей музыки.

Самым скорострельным оказался фестиваль, устроенный Большим театром. Но если такие начинания, как «Шостакович и мировая культура» или «Посвящение Шостаковичу», одобрены близкими композитора, прежде всего его вдовой Ириной Антоновной, то сделанное Большим театром в этом отношении как бы «нелегитимно». Вдова предпочитает не замечать происходящего в Большом, обидевшись, что театр не стал делать к фестивалю премьерной постановки (речь шла о балетной версии «Катерины Измайловой»), а ограничился двумя представлениями «Хованщины» Мусоргского — Шостаковича, открывшими новый сезон. Об эту постановку Ростроповича — Покровского сломано немало журналистских перьев. Фестивальный же ее статус ни в коей мере не обогатил спектакли ни качественно, ни эмоционально. Да и шли они в отсутствие Мстислава Ростроповича, почти сразу же после премьеры поссорившегося с театром из-за отказа последнего ставить оперу Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда».

По сути Большой ограничился концертными программами, которые сыграл через три недели после начала сезона, соорудив для этого специальный подиум и фактически перенеся происходящее в партер. Таким образом совсем не титаническая афиша фестиваля растянулась на месяц. За исключением имени Шостаковича, в программе каждого концерта не было ни реальной внутренней драматургии, ни эмоционального лейтмотива.

Скромный дневной концерт солистов оперы в Бетховенском зале вообще проходил как бы для галочки: скучно, рутинно, без тени творческого энтузиазма. Только легкое и стильное звучание песен цикла «Из еврейской народной поэзии» в исполнении Ларисы Рудаковой доставляло удовольствие.

Остальные два концерта прошли, наоборот, пышно, почти помпезно. (Под конец не обошлось без приличествующих случаю торжественных речей, неотъемлемых от эпохи самого Шостаковича.) Не слишком удачен был выбор Камерной симфонии (дирижер Андрей Чистяков). Написанная композитором действительно для камерного музицирования, под огромными сводами Большого она потерялась, так и не обретя завершенной формы. И Первый фортепьянный концерт с солирующим Николаем Петровым хотя и был точен с точки зрения технического исполнительства, но на сей раз не захотел приоткрыть своих психологических глубин. Завершал же бенефис музыки Шостаковича, как и положено руководителю, главный дирижер Большого — словак Петер Феранец. Буквально, но бессодержательно отыграв сюиту к фильму Григория Козинцева «Гамлет» (так, будто «Гамлета» не видел), Феранец дал Александру Рудину возможность блеснуть мастерством в Первом виолончельном концерте, а затем проникновенно отдался Восьмой симфонией с ее всепожирающим трагизмом.

Однако в вечер Андрея Чистякова состоялась еще и попытка премьеры, хоть и не «Катерины Измайловой». Прозвучала незаконченная опера «Игроки» — правда, в концертном исполнении.

Шесть персонажей (ни одного женского). Никакого специально сочиненного либретто, из-за чего опера и осталась незавершенной: написав около пятидесяти минут музыки (точь-в-точь по гоголевскому тексту), Шостакович положил на них лишь восемь явлений. Но, испугавшись навигующейся лавины объема, он до конца дней избавил себя от работы над этим опусом. В результате от всех гоголевских похождений игроков в опере осталось только знакомство шулеров с коллегой, плавно перетекающее в корпоративную договоренность быть заодно, и разговоры о крапе, ключах, распределении обязанностей. Хронотоп «Игроков» тянется с упрямой губернской безответственностью. В этом пространстве не придумать ничего более театрального, чем фраки и бабочки — атрибуты любого концертного исполнения.

Для незаконченной оперной партитуры такое исполнение — идеальный сценический вариант. Оркестр выверен Андреем Чистяковым до необходимой степени изящества и безупречно сведен с солистами, среди которых особенно хороши баритон и тенор (Сергей Мурзаев и Михаил Агафонов), почти идеально выпевающие все пассажи сложнейшей вокальной партитуры. А перебежавшие по дирижерской воле из начала в финал несколько тактов в качестве завершения — очень даже милая шутка в контексте сюжетного шулерства.

Так же — как милую шутку — можно рассматривать и само появление «Игроков» на временном подиуме в Большом. Опера вряд ли может рассчитывать на репертуарную участь. Для Большого она слишком мала. Однако ради такой удачи и целый фестиваль затеять не жалко.

АНДРЕЙ ЧИСТЯКОВ

Мария БАБАЛОВА

171